

Говоря об этом, возможно, это звучит смешно: она была старше, но даже спокойно встретиться взглядом с ней не могла. Аура Ци Юнь была слишком сильной, настолько, что А Шан, просто стоя рядом с ней, ничего не говоря и не делая, чувствовала напряжение. Тем более между ними уже происходило такое...

Если считать тот раз в Павильоне Сотни Цветов, это было уже трижды.

Остальные два раза: один, когда А Шан была вынуждена быть активной, и другой — чтобы она восстановила память. Ци Юнь всегда действовала решительно, без колебаний и без возможности сопротивляться. Хотя она была довольно нежной, даже не учитывая, что они обе были женщинами, А Шан, казалось, с самого рождения испытывала страх перед подобным.

Она очень хотела сказать Ци Юнь, что боится, но даже сказать боялась.

В итоге это слово «боюсь» тысячи раз крутилось у неё в голове, но в итоге она лишь проглотила его, словно кирпич, который никогда не переварится, острый и болезненный, где бы он ни лежал.

Многодневный дождь наконец прекратился, и долгожданный солнечный свет, пробивающийся через окно, заставил А Шан почувствовать, будто прошёл целый день. Она отбросила мрачные и влажные мысли, и больше всего её волновали её младшие брат и сестра, а также мать, которая всегда её упрекала. Мужчина умер больше года назад, как они живут теперь...

Ци Юнь, конечно, знала, о чём думает А Шан, и в самый нужный момент приказала Ю Фэн отвести её к тем, кого она больше всего хотела увидеть.

Покинув Павильон Горного Ручья, они прошли через густую бамбуковую рощу, пересекли безлюдную зону, прошли через несколько небольших городов, и после пяти дней пути А Шан наконец увидела тех, кого хотела.

Это была небольшая деревня, более оживлённая и процветающая, чем та, где она жила раньше. Ю Фэн остановила лошадь у небольшого двора, где росло дерево абрикоса, цветущее весной.

Ю Фэн привязала лошадь и первой вошла во двор. А Шан, увидев цветы абрикоса, начала нервничать. «Абрикос» было детским именем её младшей сестры.

Она робко последовала за ней, и, ещё не войдя во двор, услышала радостный возглас:

— Ой! Цин-гуннян! Как вы сегодня оказались здесь!

Ю Фэн не ответила, лишь отошла в сторону, освобождая место для входа. А Шан глубоко вдохнула и осторожно вошла во двор. Женщина во дворе замерла, её выражение лица застыло в радости, а в следующее мгновение её глаза наполнились слезами.

— А Шан-цзеце... Это ты, А Шан-цзеце?

Эта женщина была сводной сестрой А Шан. Когда её отец умер, не прошло и года, как её мать сошлась с мужчиной из соседней деревни. Сначала они тайно встречались, и у них родился младший брат А Шу, а через несколько лет — младшая сестра Синьэр. Затем мужчина сбежал, оставив их вчетвером. А Шан, хотя и злилась на мать, никогда не испытывала обиды на свою

невинную сестру. Они были разницей в пять лет, и А Шан относилась к ней как к сестре и как к матери, их связь была очень крепкой. Она до сих пор помнила, как в тот день, когда её продали, Синьэр бежала за ней до края деревни, плача.

А Шан от этого давно не слышанного «сестра» тоже наполнилась слезами. Она ещё не успела ответить, как Синьэр крепко обняла её:

— А Шан-цзеце! Я так по тебе скучала!

А Шан нежно погладила свою младшую сестру. Когда она уходила из дома, той было всего четырнадцать, а теперь она превратилась в прекрасную девушку. Увидев, что её сестра в безопасности, А Шан наконец смогла успокоиться, и слёзы сами потекли из её глаз.

Пока они обнимались и плакали, из дома вышел мужчина. Он был высоким и крепким, с честным и простым лицом. Увидев, что Синьэр плачет, он сначала выглядел обеспокоенным и настороженным, но, увидев Ю Фэн, успокоился.

— Сестра, это мой муж, — Синьэр вытерла слёзы и подвела мужчину, смущённо представляя их друг другу:

— Это моя сестра, А Шан-цзеце, о которой я тебе часто рассказывала.

— Сестра...

Мужчина смущённо почесал голову и застенчиво назвал А Шан «сестрой». А Шан, видя, что он добродушный и честный, а их отношения гармоничны, продолжала вытирать слёзы и кивать с облегчением.

Синьэр оставила мужа во дворе поболтать с Ю Фэн, а сама увела А Шан в дом, чтобы поговорить по душам. Мужчина застенчиво поздоровался с Ю Фэн, та слегка кивнула в ответ, и после этого они больше не нашли, о чём говорить, поэтому каждый занялся своим делом: один смотрел на цветы абрикоса, другой — на лошадь за двором.

А Шан вошла в дом с Синьэр. В южной комнате, ближе к полудню, солнечный свет был особенно ярким. Лёгкий ветерок принёс аромат цветов абрикоса, окна были чистыми, мебель в порядке. Каждая деталь в доме говорила о том, что Синьэр живёт хорошо, и это ещё больше успокоило А Шан. Она представляла себе множество ужасных сценариев, даже самый плохой, но не ожидала, что всё будет так хорошо.

— Как, сестра, неплохо, правда? Всё здесь, включая столы, стулья и даже кровать, сделано его руками, — Синьэр говорила о своём муже с гордостью и смущением:

— Он плотник, довольно известный в этих краях. Почти всё, что есть в доме, сделано им.

— Очень талантливый...

А Шан хотела сказать что-то ещё, но Синьэр хлопнула себя по лбу, словно что-то вспомнив:

— Ой, сестра, смотри-ка на меня! Я так увлеклась разговором, а ты ведь приехала издалека, наверное, устала? Садись, отдохни, я принесу тебе чай!

Синьэр вышла из комнаты, а А Шан послушно села. На столе стоял красивый фарфоровый сосуд, в котором росли цветы абрикоса, создавая атмосферу весны.

Здесь было хорошо.

А Шан прикрыла глаза, наслаждаясь солнечным светом. Даже пыль в воздухе добавляла дому ощущение уюта и жизни. В отличие от её деревни, здесь чувствовалась настоящая теплота. Синьэр жила в таком месте, и это было прекрасно.

А Шан так думала, полагая, что всё это заслуга её мужа. В этот момент Синьэр вернулась с чаем и, увидев, что А Шан задумчиво смотрит на сосуд, улыбнулась:

— Сестра, на что так смотришь?

А Шан мягко улыбнулась в ответ и спросила, как они жили после её ухода. Синьэр поставила чай на стол, и её улыбка постепенно исчезла.

Синьэр рассказала, что их мать думала, что, продав А Шан на свадьбу, они будут получать деньги каждый год. Но на самом деле, после того как А Шан ушла, мужчина никогда не дал им ни гроша.

— Сначала она думала, что это какое-то недоразумение, и не хотела признавать, что её обманули, — Синьэр говорила о матери с презрением, называя её просто «она»:

— Потом деньги закончились, и в доме не осталось даже риса. Она начала признавать, что её обманули, и заставила меня и А Шу искать подработки, чтобы кормить её. Если мы не приносили денег, она нас била и ругала. А Шу не выдержал и ушёл в армию, сказав, что лучше умрёт на войне, чем будет забит до смерти в этом доме. А я, трусливая и глупая, не могла, как ты, вышивать, и не могла пойти в армию. Мне приходилось искать тяжёлую работу. Тогда все смотрели на меня как на девушку и ребёнка, и никто не хотел меня нанимать. Только хозяин плотницкой мастерской в городе добродушно взял меня, давал деньги и кормил. Позже я влюбилась в его сына, а она узнала и потребовала у плотника большую сумму денег, якобы как приданое за меня. Но у плотника не было таких денег...

Даже спустя годы, Синьэр говорила об этом с ненавистью:

— Я её ненавидела, устала от её контроля и мучений, поэтому я ушла от неё, сбежала с моим мужем. Мы ушли далеко, очень далеко, я хотела убежать туда, где никогда её не увижу... Пока...

Чувствуя, что атмосфера стала слишком тяжёлой, Синьэр посмотрела на красивый сосуд на столе и сменила тему:

— Сестра, этот сосуд красивый, правда? Его принесла та самая Цинь-гуннян. Я не разбираюсь в этом, но он выглядит дорого, поэтому я всегда аккуратно его ставлю. Когда цветут цветы, я срываю свежие и кладу его, каждый день протираю несколько раз!

— Цинь-гуннян?

А Шан, понимая, что Синьэр не хочет больше говорить о тяжёлом прошлом, поддержала её вопрос, ещё не осознавая, что «Цинь-гуннян» — это Ю Фэн.